

RU

Языковая личность Л. К. Чуковской (на материале эпистолярных текстов)

Шурупова О. С., Арбузова В. Ю.

Аннотация. Цель исследования - выявить особенности проявления языковой личности Л. К. Чуковской в ее личных письмах, адресованных различным лицам. В статье выявляются круг прецедентных феноменов, значимых для идиостиля Л. К. Чуковской, подвергаются анализу лексические и синтаксические особенности писем, случаи использования языковой игры. Научная новизна исследования заключается в исследовании ранее не подвергавшегося систематическому изучению идиостиля Л. К. Чуковской на материале ее писем К. И. Чуковскому, А. И. Пантелееву, Д. С. Самойлову. В результате доказано, что языковая личность Л. К. Чуковской ярко проявляется в созданных ею эпистолярных текстах, которые отражают мысли и настроения отечественной интеллигенции XX века.

EN

L. K. Chukovskaya's Linguistic Personality (by the Material of Epistolary Texts)

Shurupova O. S., Arbuzova V. Y.

Abstract. The research aims to identify the features peculiar to L. K. Chukovskaya's linguistic personality manifestation in her personal letters addressed to various people. The article reveals a range of precedent phenomena that are significant for L. K. Chukovskaya's individual style, lexical and syntactic features of her letters as well as cases of language game usage are analysed. Scientific novelty of the research lies in addressing L. K. Chukovskaya's individual style in her letters to K. I. Chukovsky, A. I. Panteleev, D. S. Samoilov, which has not been studied before. As a result, it is proved that L. K. Chukovskaya's linguistic personality is clearly manifested in her epistolary texts, which reflect thoughts and sentiments of the Russian intelligentsia of the XX century.

Введение

Достаточно часто предметом исследования в работах современных ученых становится языковая личность, обращение к которой призвано выявить те или иные особенности ее коммуникативного поведения и продемонстрировать особенности влияния жизненного опыта человека на его речевые способности и коммуникативное поведение. В последнее время появилось большое количество работ, посвященных речевому портретированию знаменитых носителей языка, в том числе видных ученых и писателей, то есть элитарных языковых личностей, которые оказали мощное влияние на развитие отечественной культуры. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью использования результатов современных исследований для изучения особенностей языковой личности Л. К. Чуковской, которая, безусловно, является ярким представителем интеллигенции XX века. В пределах данной статьи представляется необходимым исследовать содержание языковой личности на материале созданных ею эпистолярных текстов, в частности на материале ее писем К. И. Чуковскому, А. И. Пантелееву (писавшему под псевдонимом «Л. Пантелеев»), Д. С. Самойлову.

Перед авторами стоят следующие задачи: выявить круг прецедентных феноменов, получивших отражение в эпистолярном наследии Л. К. Чуковской; определить ключевые особенности использования языковой игры в ее письмах; на основе данных фактов проанализировать специфику культурно-речевой компетенции Л. К. Чуковской. Для решения данных задач использованы методы анализа текста, в том числе описательный метод, метод компонентного анализа.

Объект данного исследования – эпистолярное наследие Л. К. Чуковской, предметом исследования являются речевые особенности идиостиля Л. К. Чуковской. Материалом исследования послужили письма Л. К. Чуковской, создававшиеся ею на протяжении всей жизни и адресованные ее отцу, Корнею Ивановичу Чуковскому, и друзьям: писателям А. И. Пантелееву и Д. Самойлову.

Теоретической базой исследования послужили работы Ю. Н. Караулова, К. Ф. Седова, В. Я. Парсамовой, посвященные исследованию языковой личности, а также статьи В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой, Л. М. Салимовой, касающиеся проблем интертекстуальности и прецедентности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в вузовском преподавании языкознания, стилистики, филологического анализа текста.

Проявление прецедентных феноменов в письмах Л. К. Чуковской

Думается, что специфика языковой личности может с особенной яркостью отражаться в создаваемых носителем языка письменных жанрах обиходно-разговорной сферы общения, то есть в дневниковых записях и письмах, которым свойственны непринужденность и естественность изложения. В тексте дневников и писем индивидуальность автора отражается явно, поскольку он свободно выбирает средства изложения, ориентируясь на те или иные шаблоны в значительно меньшей степени, чем при создании других текстов. Существенной чертой идиостиля личности служит использование ею, с одной стороны, языковых элементов «нелитературной функционально-стилевой стихии» [10, с. 64], а с другой – проявление в речи прецедентного языкового сознания, что связано с обращением личности к феноменам, которые становятся материалом для национальной языковой картины мира: крылатых слов и выражений, пословиц, поговорок, цитат, иностранных слов, а также прецедентных имен и ситуаций. По мнению исследователей, подобный феномен «становится символом, его употребление в речи служит для актуализации хранящегося в сознании носителей языка инварианта восприятия прецедентного имени» [6, с. 66]. Т. П. Акимова делит прецедентные имена в письмах классиков русской литературы на следующие группы: «...антропонимы, поэтонимы, мифонимы, топонимы, библионимы» [1, с. 16]. Обращаясь к письмам Л. К. Чуковской, можно сделать вывод об обширном списке прецедентных имен и интертекстом, которые свободно использует их автор.

Список используемых Л. К. Чуковской антропонимов особенно обширен. Среди прецедентных антропонимов, которые встречаются в большинстве писем Л. К. Чуковской, разумеется, много имен авторов, которые были ее современниками и с которыми она общалась: А. А. Ахматовой, И. Бродского, Ф. А. Вигдоровой, Т. В. Габбе, И. Грековой, Б. С. Житкова, М. М. Зощенко, А. И. Любарской, С. Я. Маршака, А. И. Пантелеева, А. И. Солженицына, В. Шкловского и др. Целый ряд антропонимов составляют имена художников, работами которых Л. К. Чуковская любовалась в Эрмитаже: да Винчи, Рубенса, Мурильо и др. Иногда упоминаются имена композиторов: Бизе, Шостаковича, Шедрина. Характерно, что уже девочкой-подростком она практически в каждом письме отцу упоминает тех или иных писателей, к творчеству которых обращается: «Я простудилась и лежу сегодня. Ангина. Читаю **Диккенса**. Учю слова» (письмо К. И. Чуковскому от 25 июля 1921 г.) [5, с. 24]. В письме от 25 февраля 1923 г. она подробно рассказывает отцу о своих занятиях: «Вторник – история театра; четверг – **Шекспир**; пятница – у Лели; воскресенье – итальянский» [Там же, с. 28].

На протяжении всей жизни Л. К. Чуковская будет упоминать в своих письмах авторов, книги и статьи которых она читает даже в самые тяжелые моменты: во время ссылки в Саратов; в 1938 году, когда будет арестован, а позднее расстрелян ее муж, Матвей Петрович Бронштейн; во время войны, когда Л. К. Чуковская вместе с маленькой дочерью окажется в эвакуации сначала в Чистополе, а затем в Ташкенте; наконец, когда ее зрение внезапно начнет катастрофически падать и читать и писать будет все труднее, а жизнь без книг для нее будет невыносима: «Читаю **Пруста** – восхитительно, ты должен непременно прочесть» (письмо К. И. Чуковскому от 31 августа 1927 г., из ссылки) [Там же, с. 76]; «Читаю 2 т. писем **Флобера** и восхищаюсь каждой строкой» (письмо К. И. Чуковскому от 14 декабря 1938 г.) [Там же, с. 223]; «Прочли несколько сказок **Гримм**» (письмо К. И. Чуковскому от 26 сентября 1941 г., из эвакуации в Чистополь) [Там же, с. 312]; «Прочитала **Белова**. Замечательный писатель» (письмо К. И. Чуковскому от 28 апреля 1968 г.) [Там же, с. 499]; «Ведь я, при своей слепоте, пишу 2 книги зараз... Если же хватает сил урвать 10 м., то сквозь лупу перечитываю “**Евгения Онегина**”» (письмо А. И. Пантелееву от 20 мая 1975 г.) [7, с. 391].

Разумеется, в ее письмах часты упоминания о писателях, над исследованием творчества которых Л. К. Чуковская работала: «Я контрабандой, потихоньку, пишу **Шевченко**» (письмо К. И. Чуковскому, июнь 1931 г.) [5, с. 147]; «Много читаю о **Чернышевском**, делаю выписки» (письмо К. И. Чуковскому от 7 октября 1939 г.) [Там же, с. 242]; «...я кончаю не “**Герцена**”, то есть не ту большую книгу для “Молодой гвардии”... а книжечку в 5 листов» (письмо А. И. Пантелееву от 10 сентября 1964 г.) [7, с. 225].

Во многих письмах можно встретить прецедентные высказывания, которые представляют собой цитаты из произведений русских авторов: В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака и др., которыми Л. К. Чуковская свободно пользуется для выражения своих мыслей. Можно отметить, что Л. К. Чуковская достаточно часто не указывает на источник цитаты прямо, по видимому, «в твердой убежденности, что они остались узнаваемы» [4, с. 231], что, по мнению Ю. Н. Караулова, свидетельствует: главная роль цитат здесь – «в усилении аргументации» [Там же]. Особенно часто автор писем цитирует поэтические строки, причем делает это совершенно свободно. Так, описывая новую книгу А. Ахматовой и досадуя на «пустое предисловие и возмутительное послесловие», Чуковская вспоминает строки А. С. Пушкина: «...а ты / Была живым опроверженьем / Его печальной клеветы» [7, с. 173]. В письме А. И. Пантелееву от 6 сентября 1977 г. Л. К. Чуковская выражает сожаление, что его очерк «Седовласый мальчик» о К. И. Чуковском не вошел в сборник воспоминаний о ее отце, и вспоминает строки З. Гиппиус, причем очевидно,

что она не обращается за цитатой к письменному тексту, а восстанавливает его по памяти. Особенное место среди любимых ею текстов явно занимают стихи А. С. Пушкина и А. Ахматовой, к которым Л. К. Чуковская прибегает как к утешению в горестные минуты. Достаточно вспомнить строки из ее письма А. И. Пантелееву от 28 мая 1978 г.: «Читаешь, читаешь всю эту круговерть и радуешься, что есть на свете **Мороз и солнце, день чудесный**» [Там же, с. 425]. А рассказывая о посещении могилы отца, Л. К. Чуковская пишет: «**Черный грай ворон**», нагие деревья, шум электричек...» (письмо А. И. Пантелееву от 3 ноября 1986 г.) [Там же, с. 587]. Здесь звучит цитата из пьесы А. Ахматовой «Пролог». «Помните ли Вы **66-й сонет Шекспира?**.. Перечтите. Это Вам поможет, честное слово», – советует Чуковская Д. С. Самойлову в письме от 14 февраля 1986 г. [3, с. 194]. Строки У. Шекспира о невозможности покинуть друга, по мысли Л. К. Чуковской, способны укрепить человека, поддержать его в трудную минуту.

Впрочем, и другие прецедентные высказывания нередко появляются в письмах Л. К. Чуковской, когда она ощущает грусть, горечь и словно бы пытается утешить себя и собеседника, обратившись к памятным строкам. Так, в письме от 17 августа 1927 г., созданном в Саратове, во время ссылки, Л. К. Чуковская обращается к отцу: «**Радость-Страданье одно**», и я знаю, за каждую радость нужно заплатить страданьем, но все-таки... будь осторожен» [5, с. 72-73]. Цитатой из драмы А. Блока «Роза и крест» Чуковская, страдавшая в ссылке вдали от дома, от близких людей, от книг, пытается успокоить себя и своего адресата.

В грустном письме А. И. Пантелееву от 10 февраля 1953 г. Л. К. Чуковская вопрошает: «И когда наконец пройдет, умрет во мне этот писательский зуд? Пора бы. **“Одни убытки, как говорит кто-то у Чехова”** [7, с. 51]. «Кто-то» – герой его рассказа «Скрипка Ротшильда», ростовщик Яков, вечно сожалеющий о подлинных и воображаемых убытках. Иронически сравнивая себя с Яковом, Л. К. Чуковская маскирует горечь от трудностей с изданием книги, работая над которой она влезла в долги.

В письме А. И. Пантелееву от 20 декабря 1963 г. Л. К. Чуковская рассказывает о деле несправедливо осужденного Бродского, которого она, вместе с несколькими другими писателями, пыталась защитить, и цитирует О. Э. Мандельштама: «**“Я старый человек, огрызок сердца”... написано где-то в прозе О. Э.**» [Там же, с. 217]. За насмешливыми словами об «огрызке сердца» скрывается глубокое горе от ощущения бессилия перед «черным делом» [Там же].

В письме А. И. Пантелееву от 5 июля 1965 г. Л. К. Чуковская хвалит отрывок из его «Ленинградских записей», опубликованный в «Новом мире», и утешает автора, используя аллюзию на пьесу У. Шекспира «Венецианский купец»: «...Оттуда вынули пол-листа. Я уверена, что это **полфунта мяса, вырезанные из живого тела**» [Там же, с. 233].

В письме А. И. Пантелееву от 20 октября 1977 г. Л. К. Чуковская упоминает: «У нас на даче бедствие – крысы... Я чувствую себя настоящим **епископом Гаттоном**» [Там же, с. 413]. Епископ Гаттон – персонаж, переведенной на русский язык В. А. Жуковским баллады Р. А. Саути «Суд Божий над епископом», которого Бог покарал за скупость, настав на него полчища крыс. Чуковская рассказывает в этом письме о даче в Переделкине, на которой после смерти К. И. Чуковского, вопреки желанию Литфонда, возник музей памяти великого писателя и критика. Литфонд отказывался ремонтировать дачу, и во многих письмах Л. К. Чуковская с тревогой и болью говорит о разрушающемся доме и о своей борьбе за существование музея. Однако в данном случае автор письма прибегает к ироническому сравнению, которое должно не только выразить ее тревогу за судьбу дома, но и ободрить собеседника. Продолжая в следующих письмах горестный рассказ о разрушающемся доме, Л. К. Чуковская пишет: «...меня утешает строчка **Тарковского: Живите в доме и не рухнет дом**, – но эта строка – единственная опора крыш, фундамента и стен. Других – нет» (письмо А. И. Пантелееву от 12 января 1982 г.) [Там же, с. 491-492].

В письме А. И. Пантелееву от 11 ноября 1985 г. Л. К. Чуковская благодарит своего адресата за совместную поездку на могилу А. А. Ахматовой: «Этот день был для меня **“не пустой день, а музыкальный”, как написал Блок**» [Там же, с. 569]. В этом письме Чуковская вспоминает детство, свой последний приезд в Ленинград, разлуку с которым она тяжело переживала, ушедших из жизни близких людей, и слова Блока как бы служат для нее моральной опорой.

Описывая языковую личность Ю. М. Лотмана, Л. М. Салимова заявляет: «Легкость обращения с большим количеством интертекстов позволяет дать характеристику основных черт элитарной языковой личности» [9, с. 176]. Думается, эту характеристику можно применить и к письмам Л. К. Чуковской, в которых встречается огромное количество как цитат из произведений классической литературы, в том числе стихотворных, так и аллюзий на целый ряд текстов.

К значимым для Л. К. Чуковской топонимам, упоминания о которых часто появляются в ее письмах, относятся Ленинград (нередко она называет город Питером), Комарово, Переделкино. Так, о любимом городе Л. К. Чуковская пишет отцу: «**Ленинград** так прекрасен, величав; Блок, Пушкин, Достоевский, Ахматова так в нем слышны, что я улыбаюсь каждой улице» (письмо К. И. Чуковскому, июль 1944) [5, с. 330]. О своих чувствах к этому городу Л. К. Чуковская заявляла неоднократно. Так, в «Записках об Анне Ахматовой» она вспоминает: «Ни одного города, кроме этого, своего, я никогда не любила» [11, с. 38]. Однако ей не позволили вернуться в родной город под предлогом, что она выехала отсюда не во время войны, а в мае 1941 года. Письма Л. К. Чуковской А. И. Пантелееву и Д. С. Самойлову пронизаны тоской по городу, жить в котором ей было уже не суждено, и по его окрестностям. Так, не раз она упоминает Комарово, где бывала на даче у А. А. Ахматовой и где многое ей напоминало Куоккалу – поселок, в котором Л. К. Чуковская жила в детстве: «**Комарово** – и так близко **Куоккала**, то есть детство – и по дороге такие памятные названия» (письмо А. И. Пантелееву от 11 ноября 1985 г.) [7, с. 569]. В письме от 12 февраля 1969 г. она утешает А. И. Пантелеева, напоминая

ему о Комарове: «...я надеюсь на Ваши могучие душевные силы. И на **комаровские** сосны» [Там же, с. 281]. С годами Л. К. Чуковская все чаще ездила в Переделкино, где после смерти ее отца возник музей, оберегать который она считала своим долгом. Однако и при жизни отца она часто упоминает Переделкино в своих письмах. Так, 11 августа 1959 в письме А. И. Пантелееву она сообщает: «Я теперь – впервые! – могу в **Переделкине** жить и спать: мне выстроена на участке будка» [Там же, с. 143]. 20 апреля 1969 г. Л. К. Чуковская пишет отцу: «...все-таки буду приезжать в **Переделкино** – видеть тебя и дышать не бензином» [5, с. 546].

Языковая игра в письмах Л. К. Чуковской

По мнению К. Ф. Седова, «к характеристикам человека говорящего... следует отнести лингвокреативность, то есть способность языковой личности к речетворчеству, которая находит отражение в языковой игре» [10, с. 65], особенно часто проявляющей себя именно в письменных жанрах. Письма, в которых используются средства выразительности, свидетельствуют о неповторимости личности пишущего, отражая нравственный облик автора, служат показателем его образования и глубины его познаний в той или иной области. Л. К. Чуковская нередко прибегает в своих письмах к иронии, благодаря которой создается эффект обманутого ожидания, при котором «неподготовленное и неожиданное создает сопротивление восприятию, а потому сильнее воздействует» [2, с. 108]: «Я исполняю твои заветы – поправляюсь вовсю... Насколько можно поправиться с тяжелым сердцем и дурной совестью» (письмо К. И. Чуковскому, конец мая 1930 г.) [5, с. 110]; «Милый папа. У меня – наверное, из симпатии к тебе – тоже грипп. Но легкий» (письмо К. И. Чуковскому от 17 декабря 1940 г.) [Там же, с. 274]; «С отвратительным цинизмом откровенно начинаю с просьбы» (письмо А. И. Пантелееву от 4 июля 1958 г.) [7, с. 126]; «Я живу все так же – нет, чуточку светлее, потому что стала получать зарплату, а это сильно способствует ободрению» (письмо А. И. Пантелееву от 1 марта 1948 г.) [Там же, с. 31]; «Сяду в тишине и, как Пруст в пробковой комнате, начну писать Роман моей жизни в XIX томах... Но у Пруста были деньги» (письмо А. И. Пантелееву от 9 августа 1948 г.) [Там же, с. 34]; «Жду Вашего письма – подробного о трудах и днях и о гриппе» (письмо А. И. Пантелееву от 9 августа 1948 г.) [Там же]; «Дорогой Алексей Иванович, ставлю интереснейший опыт: пишу Вам в полной тьме. Я на даче – и погас свет» (письмо А. И. Пантелееву от 27 декабря 1985 г.) [Там же, с. 571]; «Первая инстанция (районный суд) в иске Литфонду отказала..., и наша преступная деятельность продолжается» (письмо Д. С. Самойлову от 19 января 1984 г.) [3, с. 192].

В данных примерах автор писем шутливо соединяет несопоставимые, на первый взгляд, вещи, что, конечно, должно вызывать улыбку адресата, хотя очень часто Л. К. Чуковская пишет о грустных событиях. Даже в письме от 20 октября 1938 г., где сообщается о решении Райжилсоюза отнять у нее комнату в связи с арестом мужа, Л. К. Чуковская, прося отца помочь, находит в себе силы шутить: «Спешу подпереть своим могучим плечом наше хилое законодательство» (письмо К. И. Чуковскому) [5, с. 213]. Безукоризненно владея литературным языком, она в шутку использует в некоторых письмах просторечные слова и выражения, которые также помогают ей выразить насмешливое отношение то к себе, то к окружающей действительности: «Я встаю в 8 ч... и, умывшись, **одевшись, причесавшись (!!!)**, сажусь переводить» (письмо К. И. Чуковскому от 25 июля 1924 г.) [Там же, с. 34]; «Никакой, даже совершенно **ошалевший** от усердия, управдом не сможет отобрать у меня комнату» (письмо К. И. Чуковскому от 10 ноября 1938 г.) [Там же, с. 220]; «Книгу о Мите я **запорол**» (письмо А. И. Пантелееву от 19 декабря 1981 г.) [7, с. 490]; «Конечно, мы еще будем барахтаться и **шебуршиться**. Но тщетно» (письмо А. И. Пантелееву от 21 июля 1983 г.) [Там же, с. 515]; «Дорогой дед. Кто об чем, а я об **ахинее**» (письмо К. И. Чуковскому от 16 декабря 1966 г.) [Там же, с. 430].

Нередко такие слова появляются именно в письмах, где Чуковская рассказывает о неприятных и даже трагических событиях: о конфискованной комнате, о судьбе книги, посвященной ее казненному в 30-е годы XX века мужу, о музее в Переделкине, за существование которого ей пришлось бороться на протяжении многих лет. Комический эффект должно производить соединение слов, которые относятся к разным стилистическим пластам языка, например: «инстанция – областное судилище», «ошалевший... управдом», «шебуршиться... тщетно». Возвышенные «труды и дни» (аллюзия на поэму античного автора Гесиода) соединяются с прозаическим гриппом, упоминания о переводах, которыми занималась Л. К. Чуковская, о любимом ею Прусте, о творчестве соседствуют с замечаниями о нехватке денег, затяжном ремонте, отключенном внезапно электричестве и других досадных мелочах повседневной жизни, поскольку, подсмеиваясь над ними, автор писем преодолевает их. Так, описывая состояние своего здоровья, Л. К. Чуковская не жалуется на тяжелое состояние, а уверяет отца, что заболела гриппом исключительно из симпатии к нему, а обращаясь к А. И. Пантелееву с просьбой прислать воспоминания о С. Я. Маршаке, которые нужны были ей для новой книги, укоряет сама себя за откровенность, которую в шутку именуется «цинизмом». Юмор, которым пронизаны письма Л. К. Чуковской, смягчает их, вызывает легкую улыбку, даже если читатель понимает, что автору этих эпистолярных текстов было отнюдь не весело, когда они создавались.

В этих письмах всегда звучит усмешка над самой собой, проявляющаяся в выборе слов, которыми Л. К. Чуковская характеризует собственные тексты: «насплетничала целый короб» (письмо Д. С. Самойлову от 20 октября 1974 г.) [3, с. 30], «наболтала 3 страницы о себе» (письмо А. И. Пантелееву от 8 апреля 1939 г.) [7, с. 23]; «пишу попросту» (письмо А. И. Пантелееву от 9 июля 1947 г.) [Там же, с. 29]. Иногда Л. К. Чуковская прибегает к использованию окказионализмов («плохописание» (письмо к Д. С. Самойлову от 20 октября 1974 г.) [3, с. 30]), «многописание» (письмо Д. С. Самойлову от 4 августа 1978 г.) [Там же, с. 58]) и каламбуров («Ответственность

духовная за духовные ценности» (письмо Д. С. Самойлову от 28 марта 1978 г.) [Там же, с. 64], «Узкое место Узкого – это телефон» (письмо А. И. Пантелееву от 8 апреля 1939 г.) [7, с. 23]).

Яркой особенностью дружеского письма творческой интеллигенции является диалогизация, поскольку каждое неофициальное письмо адресовано конкретному человеку: отцу, друзьям, единомышленникам. Организация эпистолярного текста определяется не только его жанром, но и личностью адресата, который получит письмо и прочтет его. Это проявляется в особом выборе лексических средств. Так, можно проследить, как на протяжении жизни Л. К. Чуковской менялось ее обращение к отцу. В первых письмах (1921–1929 гг.) она называет его «милый папа», в более поздних письмах появляются шуточные обращения «Милый пип», «Дорогой пип», отсылающие к Ч. Диккенсу и персонажу его романа «Большие ожидания», переводить который собирался К. И. Чуковский (к сожалению, он так и не завершил эту работу). Эти обращения исчезают из писем Л. К. Чуковской после 1938 года, когда был безвинно арестован ее муж. Начиная с 1955 г., она обращается к отцу, у которого к этому времени было пятеро внуков: «Дорогой дед».

Писателя А. И. Пантелеева она лишь в нескольких первых письмах называет Леной: в первом сохранившемся письме, кратком и деловом, – «глубокоуважаемым Леной», затем – «дорогим Леной». Начиная 1935 г., Чуковская обращается к нему лишь как к «дорогому Алексею Ивановичу», и все ее письма полны глубокого уважения к адресату. Поэта Д. С. Самойлова, чьим творчеством Л. К. Чуковская восхищалась, она в письме от 1 августа 1974 г. шуточно именует «Дорогой мэтр», в письме от 13 декабря 1989 г. иронически называет его «Милостивый государь», но чаще обращается к нему: «Дорогой Давид Самойлович». Слово «дорогой» позволяет сделать письма теплее, при этом Л. К. Чуковская никогда не допускает фамильярности.

Синтаксические особенности писем Л. К. Чуковской

Следует, разумеется, обратить внимание на синтаксическую сторону писем Л. К. Чуковской. Именно структура предложения отражает наиболее важные грамматические отношения [13, р. 247]. По словам О. В. Шаталовой, «состав синтаксических конструкций, являющихся базовыми в речи, служит своеобразным демонстрационным экраном, отражающим интеллектуальный уровень и эмоциональное состояние личности» [12, с. 89]. Анализ писем Л. К. Чуковской показывает, что она часто использует предложения, осложненные рядами однородных членов, которые участвуют в создании градации: «В Сестрорецк надо **ездить, сменять, отпускать** на работу Зою; кроме того, у меня ремонт, и надо сидеть в квартире (когда?) и покупать **обои, краску, муку**» (письмо К. И. Чуковскому от 20 августа 1935 г.) [5, с. 183]; «...голос Ваш – **горький, трудный и гневный** – в ней слышен» (письмо А. И. Пантелееву от 10 апреля 1961 г.) [7, с. 179]; «К. И. **летит** в Лондон, **возбужден, перестал спать, простужен** – пишет ночами свои лекции – и кругом него вихрь **нервов, телефонов, врачей, корреспондентов**» (письмо А. И. Пантелееву от 17 мая 1962 г.) [Там же, с. 197]; «Я каждый раз – безо всяких исключений – приезжаю с дачи простуженная, с **ангиной, радикулитом, ноющим ухом** и пр.» (письмо К. И. Чуковскому от 24 мая 1964 г.) [5, с. 394]; «...Ездили на могилу. **Желтые листья, много цветов, тишина** – чудесно» (письмо А. И. Пантелееву от 28 сентября 1970 г.) [7, с. 317]; «Люша выздоровела... Теперь **ходит на службу, водит экскурсии по даче, хозяйничает**» (письмо Д. С. Самойлову от 14 февраля 1986 г.) [3, с. 194]; «...результат будет **плох, бездарен, неудачен**, – но, клянусь, **полон**» (письмо А. И. Пантелееву от 11 ноября 1985 г.) [7, с. 571]. Это обилие однородных членов, перечисление предметов, качеств, действий позволяет автору выразить эмоциональное отношение к окружающему миру, к событиям, которые происходили в жизни Л. К. Чуковской. О чем бы она ни писала, созданные ею тексты никогда не были равнодушными.

Эмоциональность и динамизм придает письмам Л. К. Чуковской и частое использование тире. По мнению В. Я. Парсамовой, языковая игра находит отражение «в активном использовании графических компонентов коммуникации и превращении их в... часть текста письма» [8, с. 7], и это касается авторского использования Л. К. Чуковской тире между подлежащим и сказуемым, что можно наблюдать, например, в письме А. И. Пантелееву от 28 ноября 1957 г.: «Не обиделась она нисколько, она – умница, человек без истерики... Но... Она – человек другого пути, чем Вы, я, Шура. Та смесь глубоко-человеческого с казенно-патриотическим – существует у нее в душе» [7, с. 117–118]. Этот знак препинания позволяет Л. К. Чуковской выразить глубокое противоречие, существующее, по ее мнению, в душе человека, которого она описывает. Тире нередко используется в ее письмах и между частями бессоюзного предложения для выражения неожиданного присоединения или противопоставления: «У меня очень плохая память – вернее, ее вовсе нет» (письмо А. И. Пантелееву от 23 мая 1958 г.) [Там же, с. 124]; «Но и пусть – зато знали бы Вы, как там тихо!» (письмо А. И. Пантелееву от 11 августа 1959 г.) [Там же, с. 143]; «Пропусти только начало – а дальше за интересность ручаюсь» (письмо К. И. Чуковскому от 30 ноября 1967 г.) [5, с. 464].

Достаточно часто Л. К. Чуковская использует вставные конструкции, позволяющие ей дополнить смысл предложения, сопроводить его тем или иным замечанием, чтобы более точно донести до корреспондента свою мысль: «Здесь энтузиасты во главе с Елизаром Мальцевым (не путать Елизара и Ореста! Орест – прохвост, а этот – нет) послали тебе телеграмму» (письмо К. И. Чуковскому от 28 апреля 1962 г.) [Там же, с. 385]; «И вот – вечер, полная тьма, шофера нашего нет – как доставиться в 58 Медпункт где-то в Кунцеве?» (письмо А. И. Пантелееву от 10 сентября 1964 г.) [7, с. 225]. Их использование позволяет ей придать тексту эмоциональность, сообщить ту или иную информацию с максимальной яркостью и динамизмом и актуализировать авторскую позицию, выразив свое отношение к описываемым людям и событиям.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Переписка Л. К. Чуковской является незаменимым материалом как для изучения ее жизни и творчества, исследования мыслей и настроений интеллигенции XX века, так и для анализа особенностей эпистолярного жанра в целом. Проведенный нами анализ писем Л. К. Чуковской доказывает, что в круг прецедентных феноменов, получивших отражение в данном эпистолярном наследии, входят имена многочисленных писателей и поэтов и произведения русской и зарубежной классической литературы. Следует сделать вывод, что языковая игра в эпистолярном наследии Л. К. Чуковской связана с использованием иронии, каламбура, окказионализмов, с соединением лексических единиц, присущих разным стилям, с особым обращением к собеседнику, а в ряде случаев и с использованием графических компонентов. В ее письмах звучит голос яркого представителя интеллигенции, который точно и метко характеризует свое окружение и эпоху, проявляет уважение к собеседнику, заботу о нем, стремится порадовать и ободрить его, даже сообщая о тяжелых и горестных событиях. Можно с уверенностью говорить об элитарности языковой личности Л. К. Чуковской, которая в полной мере воплощается в ее письмах.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении языковой личности Л. К. Чуковской на основе ее дневниковых записей и публицистических текстов.

Источники | References

1. Акимова Т. П. Онимы эпистолярного текста в аспекте прецедентности (на материале писем русских писателей XIX-XX вв.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 15-25.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. М.: Альянс, 2017. 384 с.
3. Давид Самойлов - Лидия Чуковская. Переписка: 1971-1990. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 310 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 264 с.
5. Корней Чуковский - Лидия Чуковская. Переписка: 1912-1969. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 592 с.
6. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.
7. Л. Пантелеев - Л. Чуковская. Переписка. 1929-1987 / предисл. П. Крючкова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 656 с.
8. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана): дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2004. 223 с.
9. Салимова Л. М. Элитарная языковая личность и ее отношение к интертекстуальности (на материале «Бесед о русской культуре» Ю. М. Лотмана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). Ч. 1. С. 173-177.
10. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: ЯСК, 2016. 440 с.
11. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3-х т. М.: Время, 2013. Т. 2. 1952-1962. 864 с.
12. Шаталова О. В. «Образ дивный и простой...» (эскиз к речевому портрету Г. Л. Щеулиной) // Жизнь языка. Жизнь в языке: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора В. В. Щеулина (г. Липецк, 13 марта 2013 г.): в 2-х ч. Липецк: ЛГПУ, 2013. Ч. 2. С. 88-91.
13. Crystal D. How Language Works. L.: Penguin Books, 2006. 500 p.

Информация об авторах | Author information

RU Шурупова Ольга Сергеевна¹, д. филол. н., доц.
Арбузова Виктория Юрьевна², к. филол. н.

^{1,2} Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

EN Shurupova Olga Sergeevna¹, Dr
Arbuzova Victoriya Yuryevna², PhD

^{1,2} Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shan

¹ shurupova2011@mail.ru, ² arbvictoria@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): языковая личность; эпистолярный текст; личное письмо; прецедентный феномен; Л. К. Чуковская; linguistic personality; epistolary text; personal letter; precedent phenomenon; L. K. Chukovskaya.